

Читайте также в серии:

«Смерть пахнет сандалом»

«Страна вина»

«Лягушки»

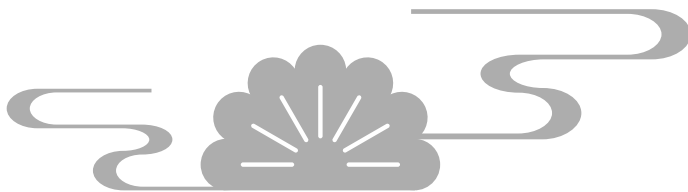
«Большая грудь, широкий зад»

«Сорок одна хлопущка»

«Красный гаолян»

«Устал рождаться и умирать»

«Тринадцатый шаг»

МО
ЯНЬ

Перемены

INSPIRIA
Москва

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
М74

Mo Yan
CHANGE

Seagull Books, 2010

Published by arrangement of Florence Giry Agency (FGA),
Paris.

Перевод с китайского *Натальи Власовой*

Мо Янь.

М74 Перемены / Мо Янь ; [перевод с китайского
Н. Власовой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 160 с.

ISBN 978-5-04-218277-8

Теплые воспоминания Мо Яня о детстве, выборе литературной стези и любимой деревне в уезде Гао-ми провинции Шаньдун, которой он вдохновлялся при написании своих произведений. Неспешное повествование пронесит через десятилетия, позволяя понаблюдать за становлением писателя сквозь его размышления и детали жизни в Китае после Мао Цзэдуна.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

© Власова Н., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-218277-8 ООО «Издательство «Эксмо», 2025

(1)

Вообще-то я должен был описывать то, что происходило после 1979 года, но мои мысли постоянно прорывались через этот рубеж, перенося меня в солнечный осенний день 1969-го, когда цвели золотистые хризантемы, а дикие гуси летели на юг.

В этот момент я уже неотделим от собственных воспоминаний. В моей памяти — тогдашний я, одинокий, выгнанный из школы мальчик, которого привлекли громкие крики и который боязливо пробрался через неохраняемый главный вход, преодолел длинный темный коридор и прошел в самое сердце шко-

лы — во двор, окруженный со всех сторон зданиями. Слева во дворе высился дубовый шест, на его верхушке проволокой закрепили поперечную балку, с которой свисал железный колокол, пятнистый от ржавчины. Справа стоял простой стол для настольного тенниса из бетона и кирпичей, вокруг которого собралась целая толпа поглазеть на матч между двумя игроками, отсюда и крики. Это самый разгар осенних каникул, так что большая часть собравшихся вокруг стола — преподаватели, помимо них присутствовали еще несколько симпатичных школьниц — гордость школы, члены школьной команды по настольному теннису. Они собирались участвовать в уездных соревнованиях в честь годовщины образования КНР¹, а потому не отдыхали на каникулах, а тренировались в школе. Все они были дочерьми кадровых ра-

---

¹ Государственный праздник, отмечается 1 октября.

ботников местного колхоза, и с первого взгляда было видно, как разительно они отличаются от нас, деревенской бедноты, поскольку они нормально питались и росли, у них была белая кожа, они ни в чем не нуждались и одевались в яркие платья. Мы смотрели на них снизу вверх, но эти девочки нас не замечали, глядя прямо перед собой. Одним из игроков оказался учитель Лю Тяньгуан, который раньше преподавал у меня математику: низенький человек с удивительно большим ртом. Поговаривали, что он может засунуть себе в рот кулак, но при нас он ни разу подобное не проделывал. В моей памяти часто всплывает картинка — учитель Лю зеваает, стоя на кафедре, его разинутая пасть выглядит внушительно. Лю прозвали «бегемотом», но среди нас никто не видал бегемотов, зато по-китайски «жаба» и «бегемот» звучат очень похоже, и у жабы тоже огромный рот, так что «бегемот Лю» естественным обра-

зом превратилось в прозвище Жаба Лю. Это не я придумал, хотя после проверок и расспросов почему-то решили, что я. Жаба Лю был сыном героя, павшего в революционной борьбе, да и сам занимал пост заместителя председателя школьного революционного комитета, а потому давать ему обидные прозвища, разумеется, ужасное преступление, за которое меня неизбежно исключили из школы и выставили за дверь.

Я с детства ни на что не гожусь, вечно мне не везет, я мастер испортить все хорошие начинания. Зачастую, когда я пытался подлизаться к кому-то из учителей, они ошибочно полагали, что я хочу навлечь на них неприятности. Мать неоднократно со вздохом говорила: «Сынок, ты как та сова, что пытается принести добрые вести, да репутация уже испорчена!» И правда, обо мне никто не мог подумать ничего хорошего, но если речь шла о дурных поступках, то их

непреренно приписывали именно мне. Многие считали, что я малолетний бандит, идеология у меня хромает и вообще я ненавижу школу и учителей. Но это неправда на сто процентов. На самом деле я искренне любил школу, а к большеротому учителю Лю и вовсе питал особые чувства, а все потому, что был таким же большеротым, как и он. Я написал повесть, которая называется «Большой рот», так вот главный герой списан с меня самого. На самом деле мы с большеротым учителем Лю — товарищи по несчастью. Нам бы стоило сочувствовать друг другу, иначе говоря, поддерживать себе подобного. Если бы я и стал придумывать кому-то прозвища, так уж точно не ему. Это ясно как день, но не для учителя Лю. Он схватил меня за волосы и, притащив в свой кабинет, пнул так, что я упал на пол, и сказал:

— Знаешь, как это называется? Ворона смеется над черной свиньей! Напруди-ка лужу мо-

чи да посмотри на отражение своего «миленького» ротика!

Я пытался объяснить учителю Лю, но он меня не слушал. Вот так хорошего паренька, Большеротого Мо, который всегда относился к Большеротому Лю с симпатией, исключили из школы. Мое ничтожество проявилось вот в чем: несмотря на то что учитель Лю объявил о моем исключении перед всеми преподавателями и учениками, я по-прежнему любил школу и каждый день, неся за спиной прохудившийся ранец, искал возможность проникнуть тайком на ее территорию...

Сначала учитель Лю лично требовал, чтобы я убрался, но я не уходил, и тогда он выволакивал меня за ухо или за волосы, но не успевал даже вернуться к себе в кабинет, как я уже тайком пробирался внутрь. Потом он стал отправлять нескольких высоких крепких ребят прогнать меня, но я все равно не уходил, и тогда

они хватали меня за руки и за ноги, выносили за ворота и выкидывали на улицу. Но еще раньше, чем они возвращались в класс и усаживались за парты, я опять оказывался на школьном дворе. Я забивался в угол, изо всех сил съеживался, чтобы не привлекать к себе внимания окружающих, но вызвать у них сочувствие, и торчал во дворе, слушая, как школьники весело болтают и хохочут, глядя, как они бегают вприпрыжку. Но больше всего мне нравилось наблюдать за игрой в настольный теннис, причем увлекался я настолько, что на глаза часто наворачивались слезы, и я кусал кулак... А потом всем уже просто надоело меня прогонять.

В тот осенний день сорок лет назад я тоже жался к стене, глядя, как Жабба Лю, размахивая самодельной ракеткой, размером больше обычной, а по форме напоминающей саперную лопатку, сражается с моей бывшей одноклассни-

цей и соседкой по парте Лу Вэньли. На самом деле Лу Вэньли тоже большеротая, но ей большой рот идет и не кажется таким огромным, как у нас с учителем Лю. Даже тогда, во времена, когда крупный рот не являлся признаком красоты, она считалась почти что самой красивой девочкой в школе. Тем более ее отец работал в совхозе водителем, ездил на советском «ГАЗ-51», скоростном и внушительном. В те годы профессия водителя считалась очень почетной. Как-то раз классный руководитель задал нам написать сочинение на тему «Моя мечта», так половина мальчишек из класса написали, что хотят стать водителями. А Хэ Чжиу, самый рослый и крепкий парень в нашем классе, с прыщами по всему лицу и усиками над верхней губой, который вполне сошел бы за двадцатипятилетнего, написал просто: «У меня нет никаких других желаний. Мечтаю лишь об одном. Хочу быть папой Лу Вэньли».

Учитель Чжан любил на уроке зачитывать лучшие и худшие, на его взгляд, сочинения. Он не называл имен авторов, а просил нас угадать. В те времена в селе поднимали на смех всех, кто говорил на путунхуа, даже школа не была исключением. Учитель Чжан — единственный в школе преподаватель, кто осмелился вести занятия на путунхуа. Он окончил педагогическое училище и едва перешагнул двадцатилетний рубеж. У него было худое вытянутое бледное лицо и волосы на косой пробор, а носил он застиранную синюю габардиновую гимнастерку, на воротнике которой красовались две скрепки, а на рукавах — темно-синие нарукавники. Наверняка он носил и какие-то другие цвета и фасоны, не мог же он ходить круглый год в одной и той же одежде, но в моей памяти его образ неразрывно связан с этим нарядом. Я всегда сначала вспоминаю нарукавники и скрепки на воротнике, затем саму гимнастерку.

ку и только потом его черты, голос и выражение лица. Если нарушить порядок, то наружность учителя Чжана мне не вспомнить ни за что на свете. Тогдашнего учителя Чжана, говоря на языке 80-х, можно было назвать «симпатягой», на сленге 90-х — «улетным», а сейчас про таких ведь говорят просто «красавчик».

Возможно, нынче есть и более модные и популярные словечки, какими можно описать привлекательного молодого человека, я проконсультируюсь с соседской дочкой и тогда узнаю. Хэ Чжиу на вид казался куда старше преподавателя Чжана, ну, в отцы не годился — слишком громко сказано, но если назвать его дядей учителя Чжана, никто бы не усомнился. Помню, как преподаватель Чжан зачитывал сочинение Хэ Чжиу язвительным тоном, с нарочитым пафосом: «У меня нет никаких других желаний. Мечтаю лишь об одном. Хочу быть папой Лу Вэньли».

На мгновение воцарилась тишина, а потом класс разразился дружным хохотом. В сочинении Хэ Чжиу всего три предложения. Учитель Чжан, взяв тетрадку за угол, трясет ею, словно хочет вытряхнуть изнутри шпаргалки...

— Гениально, просто гениально! — приговаривает учитель Чжан. — Догадайтесь, чье это талантливое сочинение?

Никто не знал, мы вертели головами и обращивались во все стороны, выискивая глазами, кто же этот «гениальный» автор. Вскоре все взгляды были устремлены на Хэ Чжиу, он был самым рослым и самым сильным и любил обижать соседей по парте, потому учитель Чжан посадил его за последнюю парту в одиночестве. Под взглядами одноклассников он вроде бы покраснел, но едва заметно. Лицо приобрело чуть смущенное выражение, но опять же не то чтобы сильно. Он даже слегка возгордился, поскольку на лице появилась глуповатая, про-